

<https://doi.org/10.19195/0137-1150.173.5>

Data przesłania artykułu: 31.08.2019

Data akceptacji artykułu: 15.11.2019

RITSUKO KIDERA

Doshisha University, Kioto, Japonia

Память о Византийской империи в романе *Жизнь насекомых* Виктора Пелевина

Виктор Пелевин является одним из самых популярных русских писателей современности. В данной статье я проанализирую мотив памяти о Византийской империи в произведениях Пелевина, в частности в его романе *Жизнь насекомых* (1993).

Одной из самых влиятельных книг, посвященных изучению памяти, является работа Анри Бергсона *Материя и память*¹. Однако японский исследователь Масато Года отметил, что теория Бергсона не берет во внимание вопрос истории в изучении памяти². Поэтому, анализируя память о Византийской империи в творчестве Пелевина, я буду обращаться к концепции коллективной памяти ученика Бергсона — Мориса Хальбвакса, который этой проблеме уделял большое внимание.

О том, что произведения Пелевина смещают границы литературной иерархии (в делении ее на „высокую” и „низкую”), писал японский исследователь Каздзюхиса Ивамото³. Также литературовед Мицусеи Нумано говорит о проблеме размывания границ в современной русской литературе. В своей статье⁴ он приходит к выводу, что произведения Пелевина нельзя отнести ни к серьезной, ни к массовой литературе. Исследователь считает, что для опре-

¹ H. Bergson, *Matter and Memory*, Createspace Independent Publishing Platform, 2016.

² M. Goda, *Kioku to rekishi: Rikuru kara no Berukuson saidoku*, [в:] *Berukuson Bussheitsu to Kioku wo kaiboou suru: Gendai chikaku ron. Jikan-ron. Kokoro notetsugaku tono setsuzoku*, ред. Y. Hiramatsu, Tokyo 2016, с. 105–116.

³ K. Iwamoto, *Genjitsu to Gensou to kyuuuko: Pelevin wo meguru Shiron*, „21 seiki COE purouguramu kenkyu houkoku-syu, Gendai bungei kenkyu no furonthia” 4, 2004, с. 22–30.

⁴ М. Нумано, *Пелевин, Акунин и Мураками: писатели, заполняющие „лауну” между серьезной и массовой литературой*, „Slavistika” 16/17, 2001, с. 197–210.

деления произведений этого писателя лучше всего подходит термин „промежуточная литература”⁵.

В книгах Пелевина вечные темы, характерные для „серьезной” литературы, затрагиваются, получая особое, постмодернистское наполнение. В своем творчестве писатель обращается также к образу Византийской империи, который часто встречается в классической литературе. По моему мнению, в произведениях Пелевина обнаруживается образ коллективной памяти о Византийской империи, характерный для русского сознания.

Распад СССР и влияние американской культуры

Обратим внимание на то, что роман *Жизнь насекомых* был опубликован в 1993 году, вскоре после распада СССР. Действие романа происходит в Крыму — описывается красивая природа полуострова. В произведении упоминается американская радиопередача о религии⁶, один из героев начинает изучать английский язык⁷, появляются отсылки к ситуации в России и СНГ после распада СССР. Политическому климату в произведении посвящены, например, статьи Ханса Гунстера⁸ и Андрея Макаричева⁹.

В романе герои предстают в образах людей и в образах насекомых. Люди оборачиваются в комаров, бабочек, мотыльков, тараканов и т. д. Герои с насекомыми имеют много общего: они трудятся так же старательно, как насекомые; их сближает и то, что смерть героев является такой же незамеченной и незначительной для окружающих, как смерть насекомого.

В начале романа герои Арнольд, Артур и Сэм предстают в образе людей, но потом превращаются в комаров, сосущих кровь людей. Арнольд и Артур — русские, а Сэм — американец. В романе важная роль отводится национальным мотивам. Крылья и хоботок Сэма-комара выглядят совсем иначе, чем у Арнольда и Артура: он выглядит элегантнее и современнее „рядом с двумя простыми русскими насекомыми”¹⁰, Артур с Арнольдом летят „бабьим брассом, а движения крыльев Сэма скорее напоминали баттерфляй”¹¹. Арнольд и Артур хвалят Сэма, отмечая его превосходство.

⁵ М. Нумано, *Пелевин, Акунин и Мураками: писатели, заполняющие „лауну” между серьезной и массовой литературой*, „Slavistika” 16/17, 2001, с. 197–210.

⁶ „Вы слушали передачу из цикла, подготовленного специально для нашей радиостанции по заказу американской благотворительной организации «Вавилонские реки»... по воскресеньям... по адресу: «Голос Божий», Блисс, Айдахо, США”. — В. Пелевин, *Жизнь насекомых*, <https://mybook.ru/author/viktor-pelevin/zhizn-nasekomyh/read/> [дата обращения: 15.12.2019].

⁷ *Ibidem*.

⁸ H. Gunster, *Post-Soviet Emptiness (Vladimir Makanin and Vitor Pelevin)*, „Journal of Eurasian Studies” 2013, № 4, с. 100–106.

⁹ A. Makarychev, *Political Issues In Russia's Literary Discourse*, с. 242–247, http://demokratizatsiya.pub/archives/20_3_9MN2127301564864.pdf [доступ: 15.12.2019].

¹⁰ В. Пелевин, *Жизнь насекомых*...

¹¹ *Ibidem*.

Весь мир

В произведениях Пелевина представлены разные концепции „мира” и „всего мира”. *Жизнь насекомых* в этом плане тоже не исключение. Во второй главе романа появляются новые герои — отец и сын, которые с интересом смотрят на Арнольда, Артура и Сэма. Они тоже предстают перед читателем одновременно в двух образах: людей и жуков-навозников. Отец и сын размышляют об устройстве мира и о своей судьбе:

Они с отцом ползут у подножия главной елки мира сквозь огромные ключья ваты, изображающей снег, ползут неясно, куда и отец лишь делает вид, что знает дорогу¹².

Отец объясняет сыну, что со временем у сына тоже будет свой „Йа”. По словам отца, тот, кто обладает „Йа”, обладает всем миром, так как для скарабея навозный шар — это весь мир. Затем отец, попадая под острый каблук красной туфли девушки, погибает. Сын решает жить так, как учил его покойный отец.

Если мы примем во внимание то, что Пелевин обращается в романе к исторической и политической ситуации после распада СССР, то под термином „весь мир” мы можем понимать Советский Союз, который имел не только колоссальную территорию, но и огромное влияние на другие страны. Изучением вопросов государства и национализма в произведениях Пелевина занимался, например, японский исследователь Кэй Сасаяма¹³. Несмотря на то, что в произведении Пелевина описывается современная история России, способ понимания мира писателем имеет много общих черт с определением „всего мира” русскими классиками (к вопросу о „всем мире” обращались в XIX веке Федор Достоевский и Лев Толстой). В мировой истории понятие „весь мир” ассоциируется часто прежде всего с Римской империей и Византией¹⁴. В романе Пелевина концепт „весь мир” связан именно с Византийской империей и ее наследницей — Москвой, называемой „Третьим Римом”.

Провинция Рима

Героиня по имени Марина тоже одновременно человек и насекомое — муравей, видит окружающую ее красоту природы и понимает мир вокруг себя по-своему:

¹² *Ibidem*.

¹³ К. Sasayama, „*Kuu*” to kokka: V. Pelevin no Sousaku ni okeru nashonarizumu heno shisen, „Roshia-go roshia-bungaku kenkyu” 49, 2017, с. 129–147.

¹⁴ D. Obolensky, *The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe, 500-1453*, New York 1971; A. Kaldellis, *Hellenism in Byzantium: The Transformations of Greek Identity and the Reception of the Classical Tradition*, Cambridge 2007; G. Page, *Being Byzantine: Greel Identity before the Ottomans*, Cambridge 2008.

Мир вокруг был прекрасен. Но в чем именно заключалась эта красота, сказать было трудно: в предметах, из которых состоял мир, в деревьях, скамейках, облаках, прохожих — ничего особенного вроде бы не было, но все вместе складывалось в ясное обещание счастья, в честное слово, которое давала жизнь непонятно по какому поводу¹⁵.

Вспомним, что Марина выполняет действия, присущие человеку (смотрит фильм в кинотеатре) и насекомому (роет нору в земле, откладывает яйца, как муравей). Во время трудной работы ей кажется, как будто „от всего мира остались только земля, камни и совок”¹⁶. Ощущая мир вокруг себя как часть „всего мира” и истории, она чувствует „древность” Крыма, который в летнюю ночь превращается в провинцию Рима. Это ощущение позволяет ей стать частью непрерывного исторического времени, услышать и увидеть мир так, как люди чувствовали его „тогда”. В сознании Марины бывший Советский Союз постоянно ассоциируется с Римом, и земля Крыма тоже связана с Римом:

Удивительно красива крымская ночь. Темнея, небо поднимается выше, и на нем ясно проступают звезды. Из всесоюзной здравницы Крым незаметно превращается в римскую провинцию, и в душе оживают невыразимо понятные чувства всех тех, кто так же стоял когда-то на древних ночных дорогах, слушал треск цикад и, ни о чем особо не думая, глядел в небо. Узкие и прямые кипарисы кажутся колоннами, оставшимися от давно снесенных зданий, море шумит точно так же, как тогда (что бы это „тогда” ни значило), и перед тем, как толкнуть навозный шар дальше, успеваешь на миг ощутить, до чего загадочна и непостижима жизнь и какую крохотную часть того, чем она могла бы быть, мы называем этим словом¹⁷.

Важно отметить и то, что уже с древности считалось, что память связана с конкретным местом¹⁸. В Древней Греции особенно ценилось искусство запоминания — мнемоника, а олицетворением памяти в древнегреческой мифологии являлась богиня Мнемозина¹⁹. Предполагалось, что люди могут хорошо запоминать любое явление, когда они сознательно соотносят его с каким-нибудь местом²⁰. Так, в романе Пелевина коллективная память русских связана с такими местами, как Рим и Византийская империя. Концепт „место”/„территория” в сознании русских до сих пор ассоциируется не только с гордостью народа и государства, но и с личной жизнью. Добавим, что когда речь идет о изучении феномена памяти в мировой литературе, то ее соотносят не только с географическим положением. Например, литера-

¹⁵ В. Пелевин, *Жизнь насекомых...*

¹⁶ *Ibidem.*

¹⁷ *Ibidem.*

¹⁸ Н. J. Kaiza, *Augusuthinusu: Jikan to kioku*, пер. Y. Kosaka, Shinchi-syobou, Tokyo 1990.

¹⁹ А. Ieitsu Furansesu, *Kioku-jyutu*, Tokyo 1993; К. Kuwanoki, *Kioku-jyutu-zenshi: Mun-emosyune no Kyouen*, Osaka 2018; А. Whitehead, M. Rossington, *Theories of Memory: A Reader*, Baltimore 2017.

²⁰ А. Ieitsu Furansesu, *Kioku-jyutu...*; К. Kuwanoki, *Kioku-jyutu-zenshi...*

туровед Анни Уайтхед отмечает, что память у Пруста имеет „физическое” воплощение, так как она связана с запахом²¹.

Третий Рим

Героиня романа, русская девушка Наташа, встречаясь с американцем Сэмом, старается говорить с ним только по-английски. Сэм говорит ей, что хотя Россию называют третьим Римом, если прочитать слово „Рим” наоборот, то получится фраза „третий мир”²². Это понимание мира связано с игрой слов, характерной для творчества Пелевина. Наташа начинает говорить о первом Риме, но в конце концов их разговор кончается тем, что Россия — бедная страна третьего мира. Наташа спрашивает Сэма, где находится второй мир, на что Сэм отвечает, что второй мир не существует.

Разговор о третьем и втором мирах пародирует фразу „Москва — третий Рим”. Как известно, такое понятие сформировалось в XV–XVI веках в Великом княжестве Московском. После падения Константинополя Иван III женился на Софье Палеолог, племяннице последнего императора Византии Константинополя XI Палеолога. Это легло в основу понимания России как правопреемницы Византийской империи. Несмотря на то, что Византийская империя давно не существует, память о ней дорога Наташе и интересна Сэму. Таким образом можно говорить о том, что память о Византийской империи оказывает ключевое влияние на формирование представлений героев о современном мире.

В десятой главе романа Наташа говорит о том, что в России у насекомых нет прав и что жить в России страшно. Она просит Сэма, чтобы тот взял ее с собой в США, но не получает от него утвердительного ответа²³.

Тема второго мира поднимается еще в разговоре других героев — Мити и Димы, в главе *Второй мир*. Герои часто ведут философские разговоры о свете и тьме, о жизни и смерти, о солнце и луне, о дневных бабочках и мотыльках. Во время разговора Митя начинает рассуждать о взаимосвязи всех этих явлений. Герой борется со своим мертвым телом, напоминающим зомби из американских фильмов. Митя замечает, что его мертвое тело повторяет его движения, а „все то, что он думает, думает не он, а труп”²⁴. Можно предположить, что борьба персонажа с его мертвым телом является метафорой отношений США и бывшего Советского Союза, которые, нанося друг другу политические удары, сами становились жертвой своих действий.

В других произведениях Пелевина также многократно повторяется тема „мира” и „всего мира”. Например, в *Онтологии детства* описывается понимание мира ребенком. В *Нике* тоже речь идет о концепции мира. В рома-

²¹ A. Whitehead, *Kiooku wo teguru jinmongaku*, пер. N. Mimura, Tokyo 2017, с. 144.

²² В. Пелевин, *Жизнь насекомых*...

²³ *Ibidem*.

²⁴ *Ibidem*.

не *S.N.U.F.F.* появляется страна с названием Византиум, которое, очевидно, происходит от Византии. В произведениях Пелевина, описывающих современное положение России, часто поднимается вопрос о мире и чаще всего это связано с Византией. В *Жизни насекомых* пародируется не только современное положение России, которую писатель относит к третьему миру, но и понимание России как наследницы и правопреемницы Византии, отражающееся в личной жизни людей и в их мироощущении.

Библиография

- Bergson H., *Matter and Memory*. CreateSpace Independent Publishing Platform, 2016.
- Goda M., *Kioku to rekishi: Rikuru kara no Berukuson saidoku*, [в:] *Berukuson Busshitsu to Kioku wo kaiboou suru: Gendai chikaku ron. Jikan-ron. Kokoro notetsugaku tono setsuzoku*, red. Y. Hiramatsu, Shoshi-shinsui, Tokyo 2016.
- Gunster H., *Post-Soviet Emptiness (Vladimir Makanin and Viltor Pelevin)*, „Journal of Eurasian Studies” 2013, № 4.
- Ititsu F. A., *Kioku-jyutu*, per. Y. Tamaizumi, Suisei-sha 1993.
- Iwamoto K., *Genjitsu to Gensou to kyuu-kyo: Pelevin wo meguru Shiron*, „21 seiki COE puroguramu kenkyu houkoku-syu. Gendai bungei kenkyu no furonthia” 4, 2004.
- Kaiza H. J., *Augusuthinusu: Jikan to kioku*, per. Y. Kosaka, Shinchi-syobou, Tokyo 1990.
- Kaldellis A., *Hellenism in Byzantium: The Transformations of Greek Identity and the Reception of the Classical Tradition*, Cambridge University Press, Cambridge 2007.
- Kuwanoki K., *Kioku-jyutu-zenshi: Munemosyune no Kyouen*, Koudan-sha, Osaka 2018.
- Makarychev A., *Political Issues In Russia's Literary Discourse*, http://demokratizatsiya.pub/archives/20_3_9MN2127301564864.pdf.
- Numano M., *Pelevin, Akunin i Murakami: pisateli, zapolnâushie „lakunu” meždu ser'eznoj i massovoj literaturoj*, „Slavistika” 16/17, 2001.
- Obolensky D., *The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe*, Praeger Publishers, New York 1971.
- Page G., *Being Byzantine: Greel Identity before the Ottomans*, Cambridge University Press, Cambridge 2008.
- Pelevin V., *Žizn' nasekomyh*, <https://mybook.ru/author/viktor-pelevin/zhizn-nasekomyh/read/>.
- Sasayama K., „*Kuu*” to kokka: V. Pelevin no Sousaku ni okeru nashonarizumu heno shisen, „Roshia-go roshia-bungaku kenkyu” 49, 2017.
- Whitehead A., *Kioku wo meguru jinmongaku*, per. N. Mimura, Sairyu-sha, Tokyo 2017.
- Whitehead A., Rossington M., *Theories of Memory: A Reader*, John Hopkins University Press, Baltimore 2017.

The Memory of the Byzantine Empire in the Novel *The Life of Insects* by Victor Pelevin

Summary

In the works of Victor Pelevin we often find matching concepts of “world” and “the whole world”. The reality presented in such a way in the novel *The Life of Insects* may refer to the memory

of the Byzantine Empire. This article is devoted to the analysis of this issue based on Maurice Halbwachs' theory, an important part of which is the understanding of the role of history in collective memory.

Victor Pelevin describes his contemporary Russia: the atmosphere after the collapse of the Soviet Union and the influence of American culture on the lives of its inhabitants. Interestingly, the situation of the country prompts its citizens to reflection, which, with reference to the theory of collective memory, revolves around Byzantium. The novel is set in Crimea, which in some respects reminds its inhabitants of Rome, and the concept of Russia as the "Third World" is tied to the idea of the "Third Rome". The motif of the Byzantine Empire, on the other hand, is accompanied by the histories of ordinary citizens who, referring to their personal lives, create their own image of the "whole world".

Keywords: Victor Pelevin, Third Rome, history, Maurice Halbwachs, collective memory

Пamięć o Cesarstwie Bizantyjskim w powieści Wiktora Pielewina *Życie owadów*

Streszczenie

W dziełach Wiktora Pielewina często odnajdujemy korespondujące z sobą pojęcia „świata” i „całego świata”. Przedstawiony w ten sposób obraz rzeczywistości w powieści *Życie owadów* może nawiązywać do pamięci o Cesarstwie Bizantyjskim. Niniejszy artykuł poświęcony jest analizie tego zagadnienia na podstawie teorii Maurice’a Halbwachsa, której istotną częścią jest pojmowanie roli historii w pamięci zbiorowej.

Pielewin ukazuje współczesną mu Rosję: atmosferę po rozpadzie Związku Radzieckiego oraz wpływ kultury amerykańskiej na życie jej mieszkańców. Pokazuje, że sytuacja kraju skłania jego obywateli do przemyśleń krążących wokół Bizancjum. Akcja powieści toczy się na Krymie, który pod pewnymi względami przypomina jego mieszkańcom Rzym, a koncepcja Rosji jako „Trzeciego Świata” wiąże się z ideą „Trzeciego Rzymu”. Motyw zaś Cesarstwa Bizantyjskiego towarzyszy historii zwykłych obywateli, którzy odwołując się do swojego życia osobistego, kreują własne wyobrażenie „całego świata”.

Słowa kluczowe: Wiktor Pielewin, „Trzeci Rzym”, historia, Maurice Halbwachs, pamięć kolektywna